

СЛОЖНЫЕ ГЛАГОЛЫ В ОСЕТИНСКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ

А. Ф. Кудзоева

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ННФИ
в рамках научного проекта № 20-512-56001 «Составление контрастивной грамматики
осетинского и персидского языков»

Предметом настоящего исследования являются сложные глаголы осетинского и персидского языков в сравнительно-сопоставительном плане. Актуальность работы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, это все возрастающий интерес отечественных и иранских лингвистов к современному состоянию двух языков разных ветвей иранской группы (осетинский язык является одним из двух живых представителей северо-восточной ветви, а персидский – относится к юго-западной подгруппе), один из которых в течение весьма длительного времени оторван от иранского мира, другой же в современном виде сложился в иранском языковом ареале; во-вторых, результаты сопоставления позволяют по-новому подойти к некоторым нерешенным вопросам глагольных систем осетинского и персидского языков; в-третьих, выявление универсальных и уникальных характеристик осетинского и персидского глаголов актуально как для лингвистики данных языков, так и для методики их преподавания. В работе рассматриваются критерии выделения сложных глаголов в осетинском и персидском языках, их общие и уникальные структурно-семантические признаки. Детальному анализу подлежат именные компоненты сложных глаголов осетинского и персидского языков с точки зрения их морфологии, делается попытка уточнить границы осетинских сложных глаголов. В результате проведенного анализа автор пришел к выводу о том, что в осетинском языке именная компонента сложного глагола представлена большим числом частей речи, чем в персидском, хотя в большинстве случаев аналогичные значения выражены одинаковыми по составу конструкциями. В заключении намечаются вопросы, требующие дальнейшего и более тщательного рассмотрения.

Ключевые слова: осетинский язык, персидский язык, сложный глагол, критерии разграничения, именная компонента.

В морфологии осетинского и персидского языков центральное место занимает глагол – богатая грамматическими категориями часть речи, имеющая огромное количество значений и выступающая основным «строительным материалом» любого текста. Все это привлекает к глаголу особое внимание исследователей, однако до сих пор и в персидском, и в осетинском языкознании многие вопросы остаются или спорными, или нерешенными. Ряд

таких вопросов связан с так называемыми сложными глаголами.

В данной работе под сложными глаголами понимаются лексически и грамматически связанные двухкомпонентные сочетания имени и глагола, по ряду характеристик отличающиеся от простых (однокомпонентных) глаголов и от свободного сочетания имени и глагола. При этом если для осетинских сложных глаголов выработаны более или менее приемлемые критерии определения

этих глагольных конструкций (хоть и оставляющие «за скобками» некоторое количество сложных глаголов), то в литературе по грамматике персидского языка нет единого понимания природы и объема сложного глагола.

Остановимся подробнее на том, что понимается под сложным глаголом в осетинском и персидском языкознании.

В «Грамматическом очерке осетинского языка» В. И. Абаева [1] речь идет о «составных глаголах», которые «состоят из именной части и вспомогательного глагола *кæнын* «делать» (иногда также *ласын* «влечь») или *уын* «быть» [1, 88] и отличаются от свободных сочетаний неоформленного имени и простых глаголов *кæнын* «делать», *уын* «быть», *ласын* «влечь», *дарын* «держаться», *марын* «убивать», *мæлын* «умирать» двумя признаками: возможностью присоединять преверб к именной части и позицией отрицательных частиц *нæ*, *ма* «не» перед именной частью, то есть в препозиции ко всей глагольной конструкции [1, 90].

Заметим, что именной части в сложных глаголах предшествуют не только указанные частицы, но все отрицательные слова вообще (наречия, местоимения), в то время как в случае свободного сочетания имени и простого глагола отрицание всегда находится перед глаголом. Так, сочетание *мæсты кæнын* «злить (ся)» (букв. «злым делать») обладает указанными признаками сложного глагола: 1) именная часть присоединяет преверб: *с+мæсты кодта* «разозлил»; 2) отрицание стоит перед именной частью, то есть предшествует всему глаголу в целом: *нæ мæсты кæны* «не злится», *ма мæсты кæнæд* «пусть не злится», *ничи мæсты кæны* «никто не злит (ся)», *никуы фæмæсты кæны* «никогда

не злится». Сочетание простого глагола с именем не допускает такой позиции превербов и отрицаний: в словосочетании *хæринаг кæнын* «готовить» (букв. «пищу делать») превербы присоединяются только к глаголу, ему же предшествуют отрицания: *хæринаг с+кæнын* «пищу приготовить», *хæринаг не скодта* «пищу не приготовил», *хæринаг ничи скодта* «пищу никто (не) приготовил». Эти же признаки указываются и в работах других авторов [2, 271; 3, 73; 4, 41; 5, 114-115; 6, 115-116].

Однако указанные критерии не универсальны. За пределами их действия остаются сложные глаголы, именная часть которых выражена существительными со значением частей тела, в частности, такими, как *зæрдæ* «сердце», *сæр* «голова», *цæст* «глаз», *хъус* «ухо»: *сæрма хæссын* «снисходить до чего-либо» (букв. «к голове нести»), *цæстмæ дарын* «попрекать» (букв. «к глазу держать»), *хъус дарын* «обращать внимание» (букв. «ухо держать»). Особенно велико количество сложных глаголов с компонентой *зæрдæ*, выражающих самые разные действия и состояния: *зæрдæ æвæрын* «обещать» (букв. «сердце ставить»), *зæрдæмæ цæуын* «нравиться» (букв. «к сердцу идти»), *зæрдæ хæссын* «тошнить» (букв. «сердце нести») и др. В этих образованиях преверб присоединяется только к глагольной части, позицию перед которой занимают и отрицательные слова: *зæрдæмæ фæцыдис* «понравился» (букв. «к сердцу пошел»), *зæрдæмæ нæ фæцыдис* «не понравился» (букв. «к сердцу не пошел»). Невозможны сочетания *фæ-зæрдæмæ цыдис*, *нæ зæрдæмæ цыдис*. Разумеется, метафоричность, некоторая фразеологичность подобных сочетаний лежит на поверхности, однако отнести их к собствен-

но фразеологизмам, представленным сочетанием имени (оформленного или неоформленного) с простым глаголом, невозможно вследствие того, что они лишены таких атрибутов фразеологизмов, как эмоционально-экспрессивная выразительность и семантическая эквивалентность слову [7, 30]; кроме того, в осетинском языке нет других средств для выражения указанных действий и состояний.

Н. К. Багаев считает синонимичными термины «сложный» и «составной» и определяет эти конструкции как «глаголы, состоящие из двух слов, выражающих одно понятие – действие или состояние-процесс» [2, 270]. С термином «сложный глагол» не согласен Р. Л. Цаболов, аргументируя тем, что он не отражает сущности явления, ибо подлинно сложные глаголы должны были бы быть организованы по словообразовательным моделям сложных слов, чего нет как в осетинском, так и в персидском языках [5, 116-117]. Эту точку зрения разделяет и З. Б. Дзодзикова в монографии, посвященной анализу структурно-семантических особенностей данных конструкций [4]. Тем не менее, в осетинском языкознании традиционным стал именно термин «сложные глаголы» [2; 8; 9 и др.].

Забегая несколько вперед, отметим, что нерешенным остается вопрос о языковом статусе этих глагольных образований: Дзодзикова определяет их как «особый продукт словообразования» – составные слова [4, 3], в то время как А. П. Выдрин утверждает, что «осетинские сложные глаголы представляют собой именно словосочетания (характеризующиеся высокой степенью морфосинтаксического и акцентологического единства), а не цель-

ные слова» [3, 81]. Из определения Выдрина данной глагольной конструкции (словосочетание, характеризующееся непереставимостью, неразрывностью, цельнооформленностью, акцентологическим единством) [3, 76] – впрочем, достаточно спорного, – следует вывод, что это скорее единица фразеологии, чем морфологии. Однако с этим трудно согласиться. Действительно, в составе сложных глаголов есть определенное количество двухкомпонентных единиц, семантика которых не выводится из значений компонент (подобно фразеологическим единицам), к примеру: *сæрыл хæцын* «заступаться» (букв. «голову держать»), *зæрдæмæ цæуын* «нравиться» (букв. «к сердцу идти»), *цæстытыл уайын* «казаться, мерещиться» (букв. «идти по глазам»), *цæстмæ дарын* «упрекать, попрекать» (букв. «держат к глазу»), *зæрдæ æвæрын* «обещать» (букв. «сердце класть»), которые тоже нельзя квалифицировать как фразеологизмы, т. к. они являются не стилистическими синонимами других глаголов, а единственной формой выражения данного значения. К тому же семантика подавляющего большинства сложных глаголов прямо связана с лексическим значением именной части: *лыг кæнын* «резать, отрезать» (букв. «отрезанным делать»), *ахуыр кæнын* «учить (ся)» (букв. «учебу делать»), *æххуыс кæнын* «помогать» (букв. «помощь делать»), *суазал уын* «замерзнуть» (букв. «замерзшим стать»). Исходя из этого, представляется возможным определить осетинские сложные глаголы как особый структурный тип глагола – составные слова, семантико-синтаксические свойства которых распределены между именной и глагольной частями.

Что касается персидских сложных глаголов, то они выделены как особый структурный тип глагола всеми авторами, с работами которых нам удалось ознакомиться, однако нет единого понимания сути этого языкового явления, его состава и объема. Так, Ю. А. Рубинчик сложные глаголы определяет как двучленные глагольные фразеологические единицы – «глагольные словосочетания разной степени устойчивости, компоненты которых сохраняют словесную автономию» [10, 217], такого же мнения придерживается Ш. С. Набати, говоря о двучленных сочетаниях функционально равноправных компонентов [11, 49]. П. Самвельян понимает под сложными глаголами состоящие из нескольких слов синтаксические группы и называет их фразовыми лексемами, структурные элементы которых демонстрируют настолько тесную спаянность, что «невозможно распределить семантико-синтаксические свойства СГ между именной и глагольной компонентами» (цит. по [12, 132]).

Таким образом, можно констатировать, что если для осетинских сложных глаголов нерешенным является вопрос их статуса – двухкомпонентные составные слова или глагольные словосочетания, то для персидского сложного глагола спорным остается и количество структурных элементов: от многокомпонентных «фразовых лексем» до двух-, трех- и более компонентных фразеологических единиц или синтаксически связанных глагольных словосочетаний. При этом, как отмечает Выдрин, в научной литературе относительно персидского сложного глагола отчетливо выделяются два направления: фразеологическое, в русле которого сложные глаголы считаются одним из типов

фразеологических единиц, и морфосинтаксическое, ориентированное на исследование морфосинтаксических характеристик сложных глаголов, позволяющих дифференцировать их от свободных глагольных словосочетаний [12, 132].

В обоих языках остается актуальной проблема установления четких границ между свободными сочетаниями «имя+простой глагол» и несвободными – сложными глаголами. В персидской грамматической литературе, как отмечает Рубинчик [10, 217], нет четкого определения сложных глаголов, в результате чего невозможно сформулировать критерии отнесения глагольных конструкций типа *xabar dādan* «сообщать» (букв. «сообщение делать»), *sarmā xordan* «простужаться» (букв. «холод есть»), *kār kardan* «работать» (букв. «работу делать»), *tarjome kardan* «переводить» (букв. «перевод делать») к свободным или несвободным глагольным словосочетаниям. Действительно, принятое во «фразеологическом» направлении разделение словосочетаний на свободные и устойчивые на основании того, выводится общее значение глагольных единиц непосредственно из значений компонент или нет, нельзя признать объективным, так как оно не учитывает семантических возможностей и структурных особенностей свободных и несвободных глагольных сочетаний [10, 217]. В этой связи особый интерес, на наш взгляд, представляет точка зрения Выдриной, который в качестве критерия, определяющего границы между неоформленным именем и именной компонентой сложного глагола (по сути – между свободными глагольными словосочетаниями и сложными глаголами) выдвинул «способность

неоформленного объекта быть антецедентом анафорического местоимения» в противовес именной компоненте сложного глагола, которая лишена этого свойства [12, 133]. Отметим, что этот критерий действителен и в осетинском языке. Сравним: в свободном сочетании *хæдон кæнын* «рубашку надевать» неоформленное имя *хæдон* легко заменяется местоимением в генитиве: *кæнын æй* «надевать ее», в то время как в сложном глаголе такая замена невозможна: вместо *ахуыр кæнын* «учиться» нельзя сказать *кæнын æй* «делать ее».

Особая трудность разграничения свободных глагольных словосочетаний и сложных глаголов во многом связана со способностью группы простых глаголов персидского языка быть как самостоятельным словом, так и компонентой сложного глагола или глагольной частью составного именного сказуемого. Таковы и осетинские вспомогательные глаголы, однако в количественном отношении они значительно уступают персидским: в осетинском в качестве глагольной компоненты сложного глагола выступают, в основном, *кæнын* «делать», *уын* «быть». Глаголы *дарын* «держаться», *кæсын* «смотреть», *марын* «убивать», *мæлын* «умирать», *ласын* «влечь», «тащить» и некоторые другие образуют ограниченный круг сложных глаголов.

В персидском языке Рубинчик выделяет три класса глаголов, имеющих функции служебных [10, 200-204]. К связочным глаголам относятся *hast* «есть», «имеется» и *budan* «быть», семантически неполноценные и обычно выступающие в роли предикативной связки. В осетинском языке им соответствуют такие же связочные глаголы *уын* «быть» (в значении однократного

действия) и *вæййын* «бывать» (в значении многократного действия): *Ermuz garm ast* – *Абон хъарм у* «Сегодня тепло (есть)», которые, однако, в осетинском могут быть и частью сложного глагола: *Æз студент дæн* «Я студент (есть)» (*дæн* – предикативная связка) / *Æз сурс дæн* «Я побелел» (букв. «Я по+белый есть») (*дæн* – компонента сложного глагола). Глагол *budan* в настоящем времени является «книжным» синонимом связки *hast*, но, в отличие от последнего, имеет форму прошедшего времени, но не имеет краткой и отрицательной форм.

Персидский связочный глагол *hast* употребляется только в настоящем времени, в положительной форме имеет полную и краткую формы (табл. 1).

Таблица 1.

Спряжение персидского глагола *hast*

Число	Лицо	Положит. форма		Отрицат. форма
		полная	краткая	
Ед.	1	hastam	– am	nistam
	2	hasti	– i	nisti
	3	hast	– ast	nist
Мн.	1	hastim	– im	nistim
	2	hastid	– id	nistid
	3	hastand	– and	nistand

Осетинский глагол-связка *вæййын* (Абаев считает его многократной формой глагола *уын* [1, 73]) также имеет только форму настоящего времени в индикативе (табл. 2).

Если глагол *hast* не имеет инфинитива, то для глагола *вæййын* форма инфинитива совпадает с формой 1 л. ед. ч., но собственно инфинитив имеет несколько книжный характер и практически не употребляется в современном осетинском языке.

Глагол *budan* не имеет полной и краткой форм (табл. 3).

Таблица 2.

Спряжение осетинского глагола *вэйьын*

Число	Лицо	
Ед.	1	вэйьын
	2	вэйьыс
	3	вэйьы
Мн.	1	вэйьаем
	2	вэйьут
	3	вэйьынц

Таблица 3.

Спряжение осетинского глагола *budan*

Лицо	Настоящее время		Прошедшее время	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
1	mibāšam	mibāšim	budam	budim
2	mibāši	mibāšid	budi	budid
3	mibāšad	mibāšand	bud	budand

В отличие от персидских, осетинский глагол-связка *уын* имеет полную парадигму, однако в форме инфинитива он также неупотребителен. Покажем его спряжение в индикативе (табл. 4).

Таблица 4.

Спряжение осетинского глагола *уын*

Лицо	Настоящее время		Прошедшее время		Будущее время	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
1	даен	стаем	уыдтаен	уыдыстаем	уыдзынаен	уыдзыстаем
2	дае	стут	уыдтае	уыдыстут	уыдзынае	уыдзыстут
3	у, ис /и	сты	уыд (ис)	уыдысты	уыдзæн (ис)	уыдзысты

Как видно из таблицы 4, личные окончания 3 л. ед. ч. в прошедшем и будущем временах совпадают с формой того же лица в настоящем времени (ис). И хотя принято считать, что осетинский глагол-связка *уын* не имеет полной и краткой форм, однако такие формы налицо для 3 лица единственного числа прошедшего и будущего времен, которые чаще всего употребляются безличных окончаний, в усеченной (краткой) форме (*уыд*, *уыдзæн*), а их полные формы (*уыдис*, *уыдзæнис*) имеют выраженный книжный характер. Обращает на себя внимание тот факт, что оба языка «выделяют» 3 лицо единственного числа: в персидском малоупотребима форма *hast*, обычно заменяемая краткой формой – *ast*.

Кроме уже указанных *hast* и *budan*, в персидском выделяются и полусвяточные глаголы, еще более «лексически

малозначимые» [10, 202], типа *šodan* «делаться», *gardidan* «становиться» и др.

Эти же глаголы, а также *dāštan* «иметь», бесприставочные формы глагола *xāstan* «хотеть» в особых аналитических формах еще больше утрачивают лексического значение и становятся собственно вспомогательными глаголами. Аналогов им в осетинском языке нет, соответствующие значения выражаются формой 3 лица единственного числа глагола *уын* (ис «имеется», «наличествует») и модальными глаголами *фæндын* «хотеть», *хъæуын* «нуждаться», инфинитив которых носит несколько искусственный характер и употребляется только в субстантивированном виде.

Третья группа служебных глаголов, так называемые компонирующие, выступают в составе сложных глаголов и

обеспечивают формально-грамматические функции показателя действия [10, 203]. В их составе как простые, так и префиксальные глаголы: *kardan* «делать», *dādan* «давать», *zadan* «бить», *šodan* «становиться», *xordan* «есть», *didan* «видеть», *bar-dāštan* «поднимать», *dar-āvardan* «вынимать», *yāftan* «находить» и др. В осетинском им соответствуют *кæнын* «делать», *уын* «быть» и, в более редких случаях, *дарын* «держаться», *кæсын* «смотреть», *марын* «убивать», *мæлын* «умирать», которые, подобно указанным персидским глаголам, также могут быть и знаменательными словами с полной семантикой (кроме глагола *уын*). Таким образом, ни в осетинском, ни в персидском языках семантические и типологические характеристики глагольной компоненты не могут быть критерием разграничения свободных глагольных словосочетаний и сложных глаголов.

Что касается именной части сложных глаголов, то в обоих языках она может быть выражена разными частями речи. В персидском именная часть сложного глагола может быть предложной или беспредложной. Как отмечает Рубинчик, предлог перед именной частью придает сложному глаголу особые структурные и семантические свойства [10, 218]. В осетинском же, с его развитой системой послелогов, принято выделять всего два предлога: *æд* «с» и *æнаæ* «без» [8, 280-281; 9, 116]. Третий предлог – *фæйнаæ* «по», с количественно-разделительным значением, совершенно правомерно, на наш взгляд, указывает Багаев [2, 397]. Однако предлогам несвойственна позиция перед глаголом, как простым, так и сложным.

Как в осетинских, так и в персидских сложных глаголах именная компонента

чаще всего представлена существительными. Рассмотрим примеры.

Абстрактные существительные, в том числе со значением действия: *estefāde kardan* «использовать» (букв. «использование делать»); *пайда кæнын* «использовать», букв. «пользу делать»; *xāheš kardan* «просить» (букв. «просьба делать»); *хатыр кæнын* «прощать» (букв. «прощение делать»), *тох кæнын* «бороться» (букв. «битву, борьбу делать»).

Конкретные существительные: а) со значением названий частей тела: *rā šodan* «вставать» (букв. «нога становиться»), *češt andāxtan* «смотреть» (букв. «глаз бросать»); *цæст дарын* «присматривать» (букв. «глаз держать»), *хъус дарын* «обращаться, обращать внимание» (букв. «ухо держать»); если в персидском сложные глаголы с такими компонентами выражают значение действия, производимого этими частями тела, то в осетинском глагольные конструкции с компонентами *цæст* «глаз», *зæрдæ* «сердце», *сæр* «голова» и др. не имеют значения, равного сумме значений частей, и могли бы быть названы собственно фразеологизмами, если бы они обладали экспрессивностью и в языке имелись их стилистически нейтральные синонимы; б) со значением предметов, с помощью которых выполняются определенные действия: *arre kardan* «пилить» (букв. «пила делать»), *qofl kardan* «запирать» (букв. «замок делать»); в осетинском языке подобные сложные глаголы редки, во всяком случае, нам известен лишь один случай: *иту кæнын* «гладить» (букв. «утюг делать»); в) в обоих языках именная часть может быть представлена не всеми семантическими разрядами существительных. К примеру, в персидском нет сложных

глаголов с именной компонентой, обозначающей людей, животных, растения. В осетинском языке такие сложные глаголы есть, но их число невелико. Так, из существительных, обозначающих людей, в роли именной компоненты встречаются *лаг* «мужчина» и *чызг* «девушка»: *лаг кæнын* «мужать» (букв. «мужчиной становиться»), *слаг уын* «возмужать» (букв. «мужчиной стать»), *рачызг уын* «заневеститься» (букв. «девушкой стать»); из наименований животных в именной части возможно слово *бирæгъ* «волк», причем чаще всего это превербные сочетания со значением «становиться волком», т. е. злым, озлобленным человеком: *абирæгъ ис* «озлобился» (букв. «стал волком, превратился в волка»), *йæхи абирæгъ кодта* «стал злым» (букв. «себя в волка превратил»); слово *хъæмп* «солома» встречается в сложном глаголе – экспрессивном синониме глагола «умереть»: *ныхъхъæмп уæвын* «помереть» (букв. «соломой стать»).

В осетинских сложных глаголах в именной части существительное может быть не только неоформленным, но и в форме косвенного падежа, чаще всего аблатива (с исходом на *-æй*), аллатива (*-мæ*), экватива (*-ау*): *мæстæй мæлын* «злиться» (букв. «умирать от злости»), *мæстæй марын* «дразнить» (букв. «убивать от злости»), *коммæ кæсын* «слушаться» (букв. «смотреть в рот»), *фæдзæгъæлау уын* «быть потерянным» (букв. «как бы потерянным быть») [1, 91; 2, 270; 3, 75], а также в форме множественного числа: *дис кæнын* «удивляться» (букв. «удивление делать») – *дистæ кæнын* «удивляться», *цин кæнын* «радоваться» (букв. «радость делать») – *цинтæ кæнын* «радоваться» (букв. «радости делать»). Выдрин отмечает, что употребление при именной части по-

казателя множественного числа, обеспечивающего «мультипликативное прочтение» [3, 75], есть и в персидском языке: *dard-hâ kešid-im* «Мы постоянно страдали от боли» [13, 58].

Сложные глаголы с именной компонентой в косвенном падеже – застывшей падежной формой – представляют собой немногочисленный закрытый тип, обладающий всеми признаками сложных глаголов с именем в прямом падеже. Относительно конструкций с именной компонентой в эквативе типа *бахудæгау кæнын* «как бы засмеяться» от *худын* «смеяться», *лаууæгау кæнын* «как бы стоять» от *лаууын* «стоять», *фæсонтау уын* «как бы ошалеть» от *сонт* «ошалевший» существуют разные точки зрения. В частности, Багаев [2, 270], Абаев [1, 91] все имена в эквативе, в том числе отглагольные, сочетающиеся с компонирующим глаголом *кæнын* или *уын* и способные присоединять преверб, считают именными компонентами сложных глаголов. Дзодзикова придерживается того мнения, что подобные конструкции «стоят ближе к сложным глагольным формам типа *бадгæ кæнын*, *лаугæ кæнын*» [4, 41], т. е. к перифрастическим формам простых глаголов – *бадын* «сидеть», *бадгæ кæнын* «сидеть» (букв. «сидящий делать»), объясняя свой вывод тем, что подобные именны компоненты трудно отнести к определенной части речи, они не имеют автономного употребления и имеют значение неполноты действия, а «основным элементом... указанных сложных слов» является «простой глагол» [4, 40]. Трудно согласиться с подобными аргументами в пользу исключения конструкций «имя в эквативе+компонирующий глагол» из разряда сложных глаголов. Во-первых, сам автор на предыдущей

странице указывает, что именной частью сложного глагола могут служить «элементы, не имеющие самостоятельного употребления» и приводит примеры *ахъуытты кæнын (уын)* «прогнать», «убраться», *уисæн кæнын* «повиноваться» и др. [4, 39]. Семантика слов *а-хъ-уытты*, *уисæн* действительно затуманена, а формальных признаков какой-либо части речи они не имеют, в то время как слова типа *бадæгау*, *лаууагау* и структурно, и семантически выступают как субстантивированные причастия: *бад-ын* «сидеть» – *бад-æг* «сидящий» – *бад-æг-ау* «подобно сидящему». Во-вторых, слова *хъуытты*, *уисæн* и другие из приведенных автором примеров также сложно отнести к определенной части речи. В-третьих, семантика сложных глаголов практически безгранична (чему способствуют в том числе значения копонирующих глаголов: *уын* «быть», «становиться», кончать (ся), делаться и др., *кæнын* «делать», «творить», «создавать», открывать», «надевать», «сыпать», «производить», «лить» и др., дарын «держат», «носить», «кормить», «поить» и др.), и непонятно, почему в ее объеме не может быть значения неполноты действия наряду, к примеру, со значениями начала, окончания, продолжения, однократности, многократности действия. Как отмечает Цаболов, «сочетания имени с такими глаголами могут носить самый разнообразный характер» [5, 133]. В-четвертых, семантическим ядром указанных глагольных конструкций, как и всех остальных сложных глаголов, определенно является именная часть (в данном случае отглагольная), а не глагольная. В-пятых, перифрастическим формам простых глаголов всегда присуща некоторая экспрессия: они употребляются или с

целью акцентировать само действие, сделав на нем логическое ударение, или противопоставить одно действие другому, к примеру: *бадын* «сидеть», *бадгæ кæнын* «сидеть (сидящим делать)», *бадгæ нæ кæнын*, *фæлæ лаугæ (кæнын)* «я не сижу, а стою» (совершенно очевидно, что вышеуказанные конструкции лишены этих характеристик). В то же время автор отмечает, что рассматриваемые конструкции имеют общий с «подлинными составными глаголами» признак – возможность присоединения преверба к именной части, но лишены другого признака: «От подлинных составных глаголов данные образования отличаются еще одной особенностью: невозможностью употребления отрицательных частиц перед первыми частями» [4, 41].

Гораздо меньше в обоих языках сложных глаголов, образованных от прилагательных, чаще всего качественных. При этом в персидских сложных глаголах с именами прилагательными употребляются копирующие глаголы *kardan* «делать» и его эквивалент *sāxtan*, сочетающийся только с прилагательными, *šodan* «становиться», а в осетинских – *кæнын* «делать», *уын* «быть»: *bozorg kardan* «увеличивать», «растить» (букв. «большим делать»), *sorx šodan* «подрумяниваться», «раскаляться докрасна» (букв. «красным делать»), *sefid kardan* «белить» (букв. «белым делать»); *стыр кæнын* «увеличивать (ся)» (букв. «большим делать (ся)»), *сырх кæнын* «краснеть» (букв. «красным делать»), *урс кæнын* «седеть» (букв. «белым делать (ся)»), *баггæввад кæнын* «разувать (ся)» (букв. «босым делать (ся)»).

В осетинском языке есть довольно значительное количество сложных глаголов, именные компоненты кото-

рых представляют собой звукоподражательные слова («звукоподражательно-выразительные слова» по Абаеву [1, 91]). С такими словами сочетается только компонирующий *кæнын* и, реже, *ласын* «влечь», «тащить», «везти» – в превербных конструкциях со значением высокой экспрессии. Такие сложные глаголы имеют два структурных типа: в одних именная часть может быть удвоенной или неудвоенной, в другой – только удвоенной. Редупликация имеет семантическую функцию: глаголы с неудвоенной именной частью имеют значение однократного действия, с удвоенной – многократного действия; к примеру, от слова *гæпп* «прыг» образуются сложные глаголы *гæпп кæнын* «прыгать» (букв. «прыг, прыжок делать»), *гæпп-гæпп кæнын* «подпрыгивать», «(какое-то время) прыгать». Сложный глагол также приобретает значение многократного действия, если именная часть имеет форму множественного числа: *гæппытæ кæнын* «подпрыгивать», букв. «прыжки делать». В других глаголах именная часть может быть только удвоенной – чаще всего это слова со значением звуков природы или удара: *цъиу-цъиу кæнын* «щебетать» (букв. «щебетание делать»), *мыр-мыр кæнын* «ржать» (букв. «ржание делать»). Подобные сложные глаголы, хоть и в меньшем количестве, есть и в персидском языке: *qiquliqu kardan* «кукарекать» (букв. «кукареку делать»), *tiyowtiyow kardan* «мяукать» (букв. «мяу-мяу делать») и др.

В роли именной части сложных глаголов могут выступать причастия, причем в осетинском языке сложные глаголы образуются от причастий настоящего и прошедшего времени, тогда как в персидском в образовании этих гла-

гольных конструкций участвуют только причастия прошедшего времени: *фæ-лидз-æг уын* «убегать» (букв. «быть убегающим») от причастия настоящего времени *лидз-æг* «убегающий»; *æххæст кæнын* «выполнять» (букв. «завершенным делать») от причастия прошедшего времени *æххæст-т* «завершенный»; *barāvarde kardan* «исполнять» от причастия *barāvarde* «исполненный», «оцененный», *ābdide kardan* «закалять» от причастия *ābdide* «закаленный».

В осетинском языке в случае оформления именной части причастием настоящего времени (с суффиксами *-æг, -гæ*) и прошедшего времени (*-д, -т, -ст, -ад*) возникает проблема разграничения собственно сложных глаголов и так называемых перифрастических форм простых глаголов. Как известно, практически от каждого простого глагола можно образовать перифрастическую форму по модели «основа настоящего времени глагола+суффиксы причастий настоящего или прошедшего времени+глагол *кæнын* (реже *уын*)»: *цæр-ын – цæр-гæ кæнын – цар-д кæнын*. (О специфике употребления перифрастических форм мы говорили выше.) По этой же модели образуются и сложные глаголы с причастиями в именной части. Разница в том, что значение перифрастической формы можно передать простым глаголом, от которого она произведена, в то время как значение сложного глагола никакой другой формой выразить нельзя. Иногда разграничение таких омонимичных конструкций возможно только в контексте. Сравним: *зон-ын* «знать» – *зон-гæ кæнын* 1) «знать» (именно знать): *зонгæ йæ кæнын* «(я) его знаю» (семантически соответствует русскому «знать-то (я) его знаю»; 2) знакомить: *æмбал-ы*

зонга кæнын «друга знакомить». В том случае, когда причастие является компонентой сложного глагола, оно легко присоединяет преверб: *ба-зон-га кæнын* «по-знакомить». Если же оно в составе перифрастической формы, то преверб возможен только при глагольной части: *зон-га ба-кодтон* «(я) узнал» («узнать-то (я) узнал»). Отрицательные слова также предшествуют всему сложному глаголу и глагольной части перифрастической формы простого глагола: *на базонга кодтон* «(я) не познакомил», *зонга йæ на бакодтон* «(я) (его) не узнал».

Если в именной части сложного глагола в осетинском языке может быть причастная форма только простого глагола, то в персидском это могут быть причастия, образованные и от простых, и от сложных глаголов (как в приведенных выше примерах): *âlude kardan* «пачкать» от *âlude* «запачканный».

Остальные части речи в качестве именной компоненты сложного глагола выступают достаточно редко. Так, в роли именной части персидского сложного глагола могут быть инфинитивы простых глаголов: *didan kardan* «посещать», «наносить визит», *jastan kardan* «прыгать», «скакать» и др. [10, 220] Крут таких образований невелик. В осетинском языке подобные сложные глаголы находит Выдрин, отметив, что именная компонента может быть представлена в том числе инфинитивной формой глагола «при образовании аналитического каузатива, например: ны-ффысс-ын кæнын (PREF – писать. PRS-INFделать. PRS-INF) «заставить написать»» [3, 78]. Данное утверждение представляется некорректным. Учитывая то, что в осетинском языке каузатив редко представлен синтетической формой

(сохранились лишь рефлексы «старого каузатива с характерным оформлением за счет подъема гласного» [14, 349]), а от абсолютного большинства как простых, так и сложных глаголов каузативная форма образуется аналитическим путем, включение аналитического каузатива в объем сложного глагола не только безмерно расширяет его границы, но делает невозможным и бессмысленным само его выделение в осетинском языке, ибо сложными глаголами придется признать все аналитические формы, в том числе перифрастические и пассивные.

В отличие от персидского, осетинский сложный глагол не может иметь в качестве именной компоненты местоимения или предлоги. Таким образом, в осетинском языке нет аналогов персидским *bar ān budan* «намереваться», «собираться» от указательного местоимения *ān* «тот», *be nič gereftan* «не ставить ни во что» от отрицательного местоимения *nič* «ничто», *az beyn bordan* «уничтожить» от отыменного предлога *beyn* «среди», «между» (примеры даны по [10, 225]).

Надо отметить еще один структурный тип осетинского сложного глагола. Это конструкции, именная часть которых представляет собой редуцированную основу глагола настоящего времени, причем основы всегда имеют один и тот же преверб или коррелирующую пару превербов: «преверб+основа настоящего времени глагола+преверб+основа настоящего времени глагола+компонирующий глагол кæнын»: *рацу-бацу кæнын* «ходить туда-сюда» (букв. «выход-вход делать»), *ракаес-ракаес кæнын* «выглядывать» (букв. «выглянуть-выглянуть делать»). Абаев считает такие конструкции описательными формами

простого глагола [1, 97-98]. Однако мы считаем возможным согласиться с точкой зрения Дзодзиковой, относящей их к сложным глаголам [4, 42]. В пользу такой позиции говорит следующее: во-первых, значения этих сложных форм невозможно передать простым, одноосновным, глаголом; во-вторых, эти конструкции демонстрируют оба основных структурно-грамматических признака сложных глаголов: возможность присоединения преверба к именной части (в данном случае происходит вторичная префиксация) и нормальное положение отрицания перед именной, а не глагольной частью: *фæ-ра-цу-ба-цу кодта* «ходил туда сюда (длительное время)», *нæ рацу-бацу кæны* «не ходит

туда-сюда», *ма рацу-бацу кæн* «не ходи туда-сюда».

Итак, сложные глаголы осетинского и персидского языков демонстрируют как общие, универсальные признаки, так и уникальные черты. Впрочем, в рассмотренном нами небольшом круге вопросов преобладают общие свойства, в том числе в перечне нерешенных или спорных проблем структурно-семантического характера. Предметом отдельного сравнительно-сопоставительного анализа должны стать типология глагольных компонент, структурные особенности осетинских и персидских сложных глаголов, способы выражения грамматических категорий в сложных глаголах и некоторые другие.

-
1. Абаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959.
 2. Багаев Н. К. Современный осетинский язык. Ч. 1. Фонетика и морфология. Орджоникидзе, 1965.
 3. Выдрин А. П. Глагол в осетинском языке // Востоковедение. Историко-филологические исследования: Межвузовский сборник статей памяти акад. М. Н. Боголюбова. СПб., 2014. Вып. 30. С. 25-81.
 4. Дзодзикова З. Б. Аналитизм в словообразовании осетинского языка. Владикавказ, 2009.
 5. Цаболов Р. Л. Составные глаголы в осетинском языке // Известия СОНИИ. 1964. Т. 24. Вып. 1. С. 113-121.
 6. Гращенков П. В. Сложные предикаты в осетинском языке // Бюллетень Общества востоковедов РАН. Вып. 17: Труды межинститутской научной конференции «Востоковедные чтения 2008» (Москва, 8-10 октября 2008 г.). М., 2010. С. 115-130.
 7. Алефиренко Н. Ф., Семенов Н. Н. Фразеология и паремиология. М., 2009.
 8. Грамматика осетинского языка. Т. 1. Фонетика и морфология / Под ред. проф. Г. С. Ахвледиани. Орджоникидзе, 1963.
 9. Джусоева К. Г., Дзодзикова З. Б., Цопанова Р. Г. Современный осетинский язык. Владикавказ, 2004.
 10. Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.
- Набати Ш. С.* Сложный глагол как основная аналитическая тенденция развития глагольной системы в современном персидском языке: [электронный ресурс]. URL: file:///C:/Users/Win8.1/Downloads/171-338-1-SM. pdf

11. Выдрин А. П. [Рец. на:] P. Samvelian. Grammaire des predicats complexes: les constructions nom-verbe. Paris: Lavoisier. 2012. 330 p. // Вопросы языкознания. 2013. № 3. С. 131-135.

12. Выдрин А. П. Прямое дополнение и сложные глаголы в современном персидском языке: грамматический и лексикографический аспекты: [электронный ресурс]. URL: http://www.ossetic-studies.org/vydrin/files/1813/2268/7045/complex_predicated_in_Persian_Vydrin.pdf

13. Камболов Т. Т. Очерк истории осетинского языка. Владикавказ, 2006.

Kudzoeva, Angela F. – K.L. Khetagurov North Ossetian State University (Vladikavkaz, Russia); andjik@inbox.ru

COMPOUND VERBS IN THE OSSETIAN AND PERSIAN LANGUAGES.

Keywords: *Ossetian language, Persian language, compound verb, differentiation criteria, nominal component.*

The subject of this research is complex verbs of the Ossetian and Persian languages in the comparative aspect. The relevance of the work is due to several factors. Firstly, it is the growing interest of domestic and Iranian linguists in the current state of the two languages of different branches of the Iranian group (Ossetian is one of the two living representatives of the northeastern branch, while Persian belongs to the southwestern subgroup), one of which has been for a long time divorced from the Iranian world, while another in its modern form has developed in the Iranian language area; secondly, the results of the comparison will allow to approach some unresolved issues of the verb systems of the Ossetian and Persian languages in a new way; thirdly, the identification of the universal and unique characteristics of the Ossetian and Persian verbs is relevant both for the linguistics of these languages and for the methods of teaching them. The work examines the criteria for identifying complex verbs in the Ossetian and Persian languages, their common and unique structural and semantic features; the nominal components of complex verbs of the Ossetian and Persian languages are the subject of a detailed analysis from the point of view of their morphology, an attempt to clarify the boundaries of the Ossetian complex verbs is also made. As a result of the analysis, it is concluded that in the Ossetian language the nominal component of a complex verb is represented by a larger number of parts of speech than in Persian, although in most cases similar meanings are expressed by structures of the same composition. In the conclusion, issues that require further and more careful consideration are outlined.

REFERENCES

1. Abaev, V.I. *Grammaticheskii ocherk osetinskogo yazyka* [Grammar sketch of the Ossetian language]. Ordzhonikidze, Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959. 168 p.

2. Bagaev, N.K. *Sovremennyi osetinskii yazyk. Chast' 1 (fonetika i morfologiya)* [Modern Ossetian language. Part 1 (phonetics and morphology)]. Ordzhonikidze, Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. 487 p.

3. Vydrin, A. P. *Glagol v osetinskom yazyke* [Ossetian verb]. *Vostokovedenie. Istoriko-filologicheskie issledovaniya. Mezhdvuzovskii sbornik statei pamyati akad. M. N. Bogolyubova*

[Oriental studies. Historical and philological research. Interuniversity collection of articles in memory of Acad. M. N. Bogolyubov]. St. Petersburg, St. Petersburg University, 2014, issue. 30, pp. 25-81.

4. Dzodzikova, Z. B. *Analitizm v slovoobrazovanii osetinskogo yazyka* [Analyticism in the word formation of the Ossetian language]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2009. 160 p.

5. Tsabolov, R. L. *Sostavnye glagoly v osetinskom yazyke* [Ossetian compound verbs] *Izvestiya Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta* [News of the North Ossetian Research Institute]. 1964, vol. 24, issue 1, pp. 113-121.

6. Grashchenkov, P. V. *Slozhnye predikaty v osetinskom yazyke* [Complex predicates in the Ossetian language]. *Byulleten' Obshchestva vostokovedov RAN. Vyp. 17: Trudy mezhhinstitutskoj nauchnoi konferentsii «Vostokovednye chteniya 2008»: Moskva, 8-10 oktyabrya 2008g.* [Bulletin of the Society of Orientalists of the Russian Academy of Sciences. Issue 17: Proceedings of the inter-institutional scientific conference «Oriental Readings 2008»: Moscow, October 8-10, 2008]. Moscow, Institute of Oriental Studies of RAS, 2010, pp. 115-130.

7. Alefirenko, N. F., Semenenko, N. N. *Frazeologiya i paremiologiya* [Phraseology and paremiology]. Moscow, Flinta: Nauka, 2009. 344 p.

8. Akhvlediani G. S. (ed.). *Grammatika osetinskogo yazyka. V 2-h t.* [Grammar of the Ossetian language. In 2 vols]. *T. 1. Fonetika i morfologiya* [Vol. 1. Phonetics and Morphology]. Ordzhonikidze, North Ossetian Research Institute, 1963. 368 p.

9. Dzhusoeva, K. G., Dzodzikova, Z. B., Tsopanov, R. G. *Sovremennyyi osetinskiy yazyk* [Modern Ossetian language]. Vladikavkaz, North Ossetian State University, 2004. 242 p.

10. Rubinchik, Yu. A. *Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo yazyka* [A grammar of the modern Persian literary language]. Moscow, Vostochnaya Literatura, 2001. 600 p.

11. Nabati, Sh. S. *Slozhnyi glagol kak osnovnaya analiticheskaya tendentsiya razvitiya glagol'noi sistemy v sovremennom persidskom yazyke* [Compound verb as the main analytical trend in the development of the verb system in modern Persian] [electronic resource]. URL: file:///C:/Users/Win8.1/Downloads/171-338-1-SM.pdf

12. Vydrin, A. P. [review:] P. Samvelian. *Grammaire des predicats complexes: les constructions nom-verbe*. Paris: Lavoisier. 2012. 330 p. *Voprosy yazykoznaniiya* [Issues of Linguistics]. 2013, no. 3, pp. 131-135.

13. Vydrin, A. P. *Pryamoe dopolnenie i slozhnye glagoly v sovremennom persidskom yazyke: grammaticheskii i leksikograficheskii aspekty* [Direct object and compound verbs in modern Persian: grammatical and lexicographic aspects] [electronic resource]. URL: http://www.ossetic-studies.org/vydrin/files/1813/2268/7045/complex_predicated_in_Persian_Vydrin.pdf

14. Kambolov, T. T. *Ocherk istorii osetinskogo yazyka* [Essay on the history of the Ossetian language]. Vladikavkaz, Ir, 2006. 463 p.